

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24
УДК 81:39

Мифологическая лексика в формулах утращения детей (на материале говоров Тамбовской области)

Татьяна Владимировна МАХРАЧЁВА¹ ✉, Дина Николаевна ЛОСКУТОВА²,
Екатерина Юрьевна БЛИНОВА¹

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ mahrachova@mail.ru

²ТОГАПОУ «Многопрофильный колледж им. И.Т. Карасёва»
392525, Российская Федерация, Тамбовская обл., Тамбовский р-н, пос. Строитель, мкр. Центральный, 23

Аннотация. Проанализирован пласт мифологической лексики тамбовских говоров, функционирующей в структуре формул утращения детей как текстов коммуникативного типа, относящихся к сфере традиционной духовной культуры. Выявлены особенности структуры таких текстов; состав персонажей-утрашителей; особенности их лексической выразительности, портретные характеристики (локативная принадлежность, наличие волосного покрова, телесные патологии) и вредоносные функции. Мифологические персонажи, выступая в качестве утрашителей, лишаются большинства семантических признаков; редукция первоначальной семантики таких наименований может быть компенсирована идеофоническими особенностями номинаций этого класса персонажей; неопределённость облика персонажей для запугивания детей обуславливает включение в этот ряд предметов; распространённость народно-педагогического приёма утращения связана с ролью, которую играют страх и испуг в культуре детства. Для носителей традиционной культуры утращение можно признать значимым элементом народной педагогики, поскольку оно функционировало не только на вербальном, но и на акциональном уровнях.

Ключевые слова: демонологическая лексика; народная демонология; мифологический персонаж; персонажи-утрашители; традиционная народная культура; говоры Тамбовской области

Благодарности: Авторы выражают благодарность авторскому коллективу Информационно-поисковой системы «Традиционная народная культура южнорусской диалектной зоны» за возможность использовать полевые этнолингвистические материалы при работе над публикацией.

Для цитирования: Махрачёва Т.В., Лоскутова Д.Н., Блинова Е.Ю. Мифологическая лексика в формулах утращения детей (на материале говоров Тамбовской области) // Нефилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 12-24. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Mythological vocabulary in the formulas for intimidating children (based on the Tambov region patois)

Tatyana V. MAKHRACHEVA¹ ✉, Dina N. LOSKUTOVA², Ekaterina Y. BLINOVA¹

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ mahrachova@mail.ru

²Multidisciplinary College named after I.T. Karasev
23 Tsentralnyy microdistr., Stroitel settlement 392525, Tambov district, Tambov Region, Russian Federation

Abstract. We analyze the layer of mythological vocabulary of Tambov patois that functions in the structure of formulas for intimidating children as communicative type texts, related to the sphere of traditional spiritual culture. We identify the structure features of such texts; composition of intimidating characters; features of their lexical expression, portrait characteristics (local affiliation, presence of hair, body pathologies) and harmful functions. Mythological characters, serving as intimidators, are deprived most of semantic features; the reduction of such names initial semantics can be compensated by the ideophonic features of these characters' nominations; the uncertainty of characters' appearance for intimidating children determines the inclusion in this set of subjects; the prevalence of folk pedagogical methods of intimidation is associated with the role played by fear and fright in the culture of childhood. For traditional culture bearers, intimidation can be recognized as a significant element of folk pedagogy, since it functioned not only on the verbal, but also on the actional levels.

Keywords: demonological vocabulary; folk demonology; mythological character; intimidating characters; traditional folk culture; Tambov region patois

Acknowledgements: The authors are grateful to the team of the Information Retrieval System "Traditional folk culture of the South Russian dialect zone" for the opportunity to use field ethnolinguistic materials when working on the publication.

For citation: Makhacheva T.V., Loskutova D.N., Blinova E.Y. Mifologicheskaya leksika v formulakh ustrasheniya detey (na materiale govorov Tambovskoy oblasti) [Mythological vocabulary in the formulas for intimidating children (based on the Tambov region patois)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 12-24. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Специфика мифологической лексики, отмечаемая многими исследователями и состоящая в ирреальности понятийной сферы, стоящей за ней, обуславливает обращение к текстам коммуникативного типа, имеющим устойчивый характер, структурные, грамматические и лексико-семантические закономерности, определённую функциональную направленность (апотропейную, прогностическую, оптативную, моделирующую и т. д.) и связанным с речевым поведением человека как в повседневной жизни, так и в условиях магики-ритуального поведения¹. Намечая

новые методологические подходы, позволяющие представить народную демонологию как сложную многосоставную и многофункциональную систему, Л.Н. Виноградова ставит важнейший вопрос о существенном расширении круга источников и привлечении различных формул (тексты запретов и предписания, мотивировки, обереги, приговоры и т. д.), содержащих сведения о мифологиче-

¹ Круг теоретических вопросов, посвящённых вербальным клише, их специфике и разновидностям в

традиционной культуре, обозначен в работе Л.Н. Виноградовой [1, с. 261-268]. Кроме того, описанию отдельных аспектов этой проблемы посвящён раздел в монографии «Мифологический аспект славянской фольклорной традиции» (2016) [1, с. 261-359].

ских персонажах (далее – МП) [2, с. 3]. Таким образом, интерес к так называемым «формулам устрашения детей», относящимся к клишированным текстам традиционной культуры, вызван значительным исследовательским потенциалом, позволяющим выявить круг представлений о МП, бытующих в региональной традиции, особенностью их языкового воплощения.

Персонажам-урашителям и формулам запугивания детей посвящена обширная литература: с привлечением детского фольклора и психологии детей на материале восточнославянской традиции эта тема рассматривается Г.И. Кабаковой [3]; специфика функционирования персонажей в структуре текстов запугивания, их лексическая выраженность и семантическое наполнение, особенности номин ации, место в структуре народной демонологии в полесской традиции проанализированы Е.Е. Левкиевской [4], территории Западного и Центрального Полесья – Ю.С. Буйских [5], общерусской традиции – О.А. Черепановой [6], в нижегородских (арзамасских) говорах – Е.Ю. Любовой [7], на территории Рязанской области – авторским коллективом «Шацкого этнодиалектного словаря» [8]; польская мифологическая лексика, обозначающая персонажей-урашителей, в структуре формул запугивания, представлена в обстоятельной работе О.В. Санниковой [9]; отдельным персоналиям посвящены работы Л.Р. Хафизовой (бука) [10], О.А. Черепановой (бука, бабай, мазай) [6; 11]; формулы пугания и детские страхи в контексте современных представлений о материнстве с привлечением этнографических данных анализирует О.Ю. Бойцова [12]; общетеоретические вопросы наименования МП этого разряда рассматриваются в работах А.Ф. Журавлёва [13] и Л. Раденковича [14]. Исследование персонажей-урашителей на материале говоров Тамбовской области выполняется впервые².

Устрашение – народно-педагогический приём воздействия на поведение детей. На-

пример, запугивание регулировало посещение локусов, которое можно условно разделить на опасные (река, колодец и т. д.) и нежелательные (например, огород, сад или поле, куда маленькие озорники отправлялись за овощами или для баловства и могли повредить посеvy или сорвать недозревшие плоды, а то и посетить с хулиганскими намерениями чужие усадьбы): [Детей пугали, чтоб огурцы не рвали на огороде?] *Ды тах-то говорили, тах-то говорили. Тогда ведь лазили за морковкой и всё. Это сейчас вот всё до всяво, а тогда-то ведь у себе-то сорвуть: какой безо времени морковь сорвал? <...>* [Что следовало говорить, чтоб не пустить на огород?] *Детей-то? Да как ж его не пускали? Они сами ходили, сами уйдуть. У нас тут восемь человек, гляди за ними...* (с. Рысли, Моршанский р-н, РН, 2007); *Мы однажды, мои детки, маленькие были, ну, ведь дети есть дети, и мы маленькие были, не хуже, и, ну, тоже к соседке полезли. Но тогда-то, щас-то уж делают это безобразно, ну, там всё с корнем выдирають. А тогда-то, не хуже, потихонечки, чтоб плеть не это, не стоптать. А всё равно ж лазили. Бывало, зашумять, а ты побежишь и летишь, не хуже. А один раз зашумели, а я, с подружками бежали, а я взяла да и упала, встала да в конопи, не хуже их. Это ещё тоже маленькая была. Ну и чё ж а. Ой, а прид ешь, бывало, хорошо – матери не скажут. А мать с отцом, бывало, ругайтсуть: зачем лазить, свои есть. А ведь это детство* (с. Большая Дорога, Староюрьевский р-н, ЛД, РН, 2006).

Традиционный крестьянский быт не предполагал тотального контроля над детьми, поэтому они нередко оставались без присмотра и осваивали окружающее пространство самостоятельно, что могло привести не только к нарушению этических норм, но также к увечьям, пропаже или гибели детей в лесах, водоёмах или колодцах: ... *Детка, когда смотреть, дитёночек, было [за детьми]? Смотреть было, правильно, некогда. Мы все работали, родители работали, какие вот родили. А оставляли на бабушав, а бабка дома ещё чё-нибудь ковыряется сделать, тоже не без дялов. А он как выйдить там, чумазый и чумазый, где, можить, в болоти, где как <...>* [Что следовало предпринимать,

² Все полевые материалы снабжены указанием на собирателя, осуществившего запись: МТ – Махрачёва Татьяна Владимировна; РН – Раковская Наталия Габелахатовна; ЧА – Чемерчёва Анна Андреевна; ЛД – Лоскутова Дина Николаевна; далее следует год записи материала.

чтоб дети на огород не ходили?] Да *это вот их пугали, они особенно, как они, сказать, у кого хотели либо вишню сорвать, либо хорошее яблоко видеть – хочется сорвать вот. А не разрешили: не ходить, это чужоя!* (с. Серповое, Моршанский р-н, МТ, РН, 2007); ...*Это страцать детей. Ну вот я и говорю-то, это детей страцали, чтоб не ходили, а то уходятся. Это щас вот речка непружённая, а мало ухаживаются что ля?* (с. Рождественское, Рассказовский р-н, ЛД, РН, 2008).

Таким образом, формулы утращения были призваны маркировать опасные места, установить пространственные границы, которые нельзя пересекать, по крайней мере, без взрослых. Как отмечает Г.И. Кабакова, «родители пугают детей потому, что они сами одержимы страхом за детей» [3, с. 369].

Другая педагогическая функция запугивания связана с регуляцией поведенческой сферы детей: утращение выступает внешним фактором регламентации детских капризов, шалостей и т. д. (например, если требуется успокоить расшалившихся детей, заставить их слушаться и т. д.).

Структура формул утращения в говорах Тамбовской области типична и представляет собой клише, включающее запретительную часть, имя мифологического персонажа и «вредоносный» предикат, характеризующий действие МП по отношению к ребёнку (*утащит, поймают, утащат, укусят, схватит, будет бегать* за кем-то и т. д.), или указывающий на нахождение в локусе МП, который «поджидает» нарушителя (*сидит, стоит, ходит, живёт*)³ (см. подробнее: [4, с. 446; 9, с. 57]). Структура может варьироваться, например, иногда предикат опускается: *Ребятишников пугали: не ходите в огород, а то там русалка* (с. Кулевча, Инжавинский р-н, 2002) [15, с. 96]; формула может быть свернута говорящим до упоминания только имени персонажа: ...*и вот придёшь туда, он [сын] уже маленький был, уж года три, и чё-нибудь станить: вон куга! Вон куга! Вот и я своих пугала, даже внучат пугала – куга!* (с. Серповое, Моршанский р-н, РН, 2007).

³ Тексты, строящиеся по типу передачи ребёнка некому МП в случае нежелательного поведения («*не делай что-либо, а то тебя отдам козе/дяде/ и т. д.*»), следует отнести, вероятно, к формулам угрозы.

Реже первая часть заменяется глаголом в форме повелительного наклонения, как будто допускающим нарушение запрета, но нацеленным на достижение противоположного эффекта – остановить ребёнка: ...*Не знаю, какая-то сисянка. Это тада ещё мать, бывало, на нас: «Идитя-идитя, а то сисянка сидить, идитя!»*. Вот, бывало, боисся (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, ЛД, РН, 2006).

Состав МП, служащих для запугивания детей, зафиксированный на территории Тамбовской области, в целом согласуется с восточнославянской традицией (см.: [4; 6; 7] и т. д.): 1) персонажи народной мифологии и сказочные персонажи (*русалка, леший, водяной, ведьма, дед-хозяин/хозяин, баба/бабка Яга*); 2) персонажи, присущие жанру утращения и запугивания детей и, как правило, не функционирующие за его пределами (*сисянка, малаша, макар, куга, букан, айка, кукашка*); 3) образы животного мира (*волк, бирюк, обезьянка, коза, синичка*); 4) социальные и этнические «чужаки», чужие взрослые (*ведерицки, татар, люди с нетипичной внешностью*); 5) Бог.

Особенностью утращителей является субстанциональная размытость, неопределённость образов, стоящих за представителями этого «класса» мифологических персонажей. В исследовательской литературе они определяются как МП с усечённым [4, с. 448] или нулевым денотатом [14, с. 66-67; 16, с. 108], вербальные МП, поскольку представления об этих существах сконцентрированы преимущественно в их номинациях [3, с. 357]. По мнению Л.Р. Хафизовой, идея неопределённости может быть заложена в саму номинацию таких МП, например, для *буки* предложена этимологическая версия, связывающая «недоделанность» мифологического образа и восприятие маленького ребёнка как недооформленного существа с точки зрения его принадлежности к миру человеческого в традиционной культуре [10, с. 209]. Если для специфических персонажей детских запугиваний неясность облика можно назвать «онтологической» характеристикой⁴, то другие

⁴ Как отмечает О.В. Санникова, специфические персонажи детских запугиваний могут быть одними из наиболее архаичных в народной демонологии и воплощать «непостижимые, хаотические начала» [9, с. 58].

«герои» этих формул, попадая в контекст устрашения детей, теряют большинство своих признаков⁵. Это может быть обусловлено прагматикой таких текстов – их назидательной направленностью, в соответствии с которой главным является дидактический «стержень» формулы устрашения, а не сам мифологический персонаж или его ипостась (см., например: [9, с. 45]). Не случайно в некоторых текстах не упоминается даже имя МП, а констатируется его присутствие в нежелательном или опасном месте: *У отца тут не далеко, на огороде, конопля росла. Раньше коноплю выращивали, масло делали. И вот мне всегда казалось, что там кто-то сидит* (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2019); *[Чтобы дети не ходили на огород, их стращали?] Ну стращали, скажут – там тебе поймать хто-нибудь. [Кто может поймать?] Да хто? Как, как, как уж сказать, не ходи, а то поймають тебе там. Туда раньше не пускали* (с. Волхонщина, Пичаевский р-н, РН, 2008).

Так, информанты зачастую затрудняются описать русалку – одного из самых частотных персонажей-устрашителей в тамбовской традиции, лешего, бабу Ягу, которую информанты никак не соотносят с жанром сказки, бирюка и козу. Два последних персонажа лишаются своих зооморфных черт и переходят в разряд «нулеморфных»: *[Лешим стращали?] Да, леший, это леший поймать, а хто яво, кто такой? Хто яво видал, лешего-то этого? [Кто такой леший?] А хто его? Никто его, скажить: хтой-то поймать, а хто поймать? Никто никого не лавить* (с. Волхонщина, Пичаевский р-н, РН, 2008); *[Как детей пугали, чтобы они не бегали в огород?] Ну как жа, да там и леший какой-та, и там всякий, по-всякому, и ведьмы – там ведьма вон сидит, она тебе поймать, как жа! Эта всё стращали, эт и я своих стращала. Они побольше стануть, и сады уж тут, колхозный сад, они уйдуть, боисси там, чѣ-то они: не... не ходитя, там [неразб.], всякии там, нагваришь йим: вот, не*

ходитя, там и Баба Яга, и всё там. Наплетѣшь им, они тогда тах-то не ходють. [Кто такой леший?] Леший – это как-то, вроде, говорить, в реке хтой-то, в ряке он, тах-та вроде, леший. [Леший?] Да. В речки, да. Это, вроде леший-то в речке, да тоже тах-то стращали: не ходи купаться, там леший поймать. А хто такой, я щас не скажу, это разговор такой [Не говорили, какой он?] Да не знаю, так-то леший – всё, ничаво (с. Рудовка, Пичаевский р-н, РН, 2008); [Вы рассказывали о том, как пугали детей козой.] А-а... [Расскажите об этом подробнее.] Коза? Не такая коза вон, какая ходит по полю, щипит травку и окóтится и дóится – это коза настоящая. А это коза пúгало, пúгало, пугала она детей, вот не слушается: «А я, я тебе, козе отдам тебе!». Коза, ну хто это, эту козу никто не видел, никто не знает, какая она, эта коза, в... Просто так это, это старики тадашнии, старухи так называли, коза. [Говорили детям, чтобы те не ходили на огород: не ходи туда, а то тебя кто-то утащит?] Ну тоже вот это самая коза, да (с. Пахотный Угол, Бондарский р-н, ЛД, РН, 2007); ...а потом их [детей] пугали: вот пойдѣтя, там сидит бирю'к! А какой это бирюк, хто яво знает . Он вас стацѣть ! Я буду искать, где вас искать? Он упрѣть, тады сюда домой и не притацѣть! Вот они всё-таки нямножко, дети, боялись. Тада это вот дети этого боялись, а щас вот каво настрацѣшь? <...> [Куда утащит бирюк?] Да куда там утащит. Там никуды он не утащит, вот что напугать надо рябѣнка, чтоб он не ходил, всё (с. Серповое, Моршанский р-н, МТ, РН., 2007).

В структуру образа русалки в формулах запугивания входит прежде всего локативная характеристика – излюбленное место обитания русалок в конопляном поле и реке: *...Мы вот, конопля, бывало, росли, и боялися бежать быстро, а то, мол, русалка выскочит из конопле. В коноплях, бывало, какие-то русалки. [Опишите русалок.] А не знаю, русалки да русалки. Мы не видали, я, например, не видала никаких русалок (с. Стѣжки, Сосновский р-н, 2003) [15, с. 96]; [Правда ли, что в конопле живут русалки?] Ну тады всё стращали нас, маленькие. Вот скажут: «Не ходитя в семя [конопляное], не ходитя!» А у нас ведь тада за речкой была, речка,*

⁵ См., например, вывод Е.Е. Левкиевской, сделанный в отношении полесской традиции [4, с. 448]. По мнению О.А. Черепановой, «забвение мотивировки, непонятность названия является фактором, способствующим закреплению слова и образа, причѣм, вероятно, сначала слова, затем образа» [16, с. 116].

скажет: «Дочка, не ходи, поймають там вас эти...», – какие ты говоришь – русалки, – и утацать в речку». Да, пугали, чтоб... [А правда ли, что они есть?] Русалки-то? Они, можить, и есть. [А не рассказывали, какие они?] Нет, никогда не слыхала (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н, ЧА, 2003); ...Русалка в конопах сидить, русалка, чтоб не ходили туда, пугали нас, пугали: не ходитя, там вон такая, такая сидить там. Не могу сказать (с. Хитрово, Рассказовский р-н, ЛД, РН, 2008); [Не говорили, что там в конопле русалка?] А в конопя 'х русалка, как её, русалка, да, конопі-то сеяли. Прямо, бывало, скажут: а то в конопах поймать тебя русалка. А какая она, русалка? Кто её видал? (с. Волхонщина, Пичаевский р-н, РН, 2008); ...чѣй-то я так слышала, чѣй-то говорить: если будешь купаться, говорить, то русалка в речке, говорили нам, уже нельзя купаться (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2003); Я не помню, это пугають русалкой-то. [Как можно напугать русалкой?] Ну как? В речке купаться – холодная, не ходитя, там русалка, вот и всё. [Так пугали в любой день или в какой-то определённый?] Когда купаться идить холодно, вот, и они, и родители пугають: не ходитя, там, уж русалка там! [Как выглядит русалка?] Да я сама не знаю, говорить, русалка, а я ня знаю (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2003). Пребывание русалки в огороде также может быть связано с тем что, по сообщениям жителей области, коноплю как культурное растение возделывали на собственных приусадебных участках⁶.

Следует отметить, что в конопляном поле прячутся прежде всего женские персонажи – сисянка, баба Яга, малашка, а также синичка: [Правда ли, что детей раньше пугали, что во ржи живёт?...] Пугали, там сися 'нка, скажут. Да. Это конопі раньше сеяли, семечки-то <...>. И вот, бывало, скажут: бяжи, бяжи на огород за огурцами, или не знаю, зачем, сисянка там поймать. Пугали детей-то: сисянка поймать, там она сидить, в конопя'х в этих. [А кто такая эта сисянка?] Да никого там, просто пугали так детей. Пугали их. [А какая эта сисянка?] Да какая-то она, никакой там нету. Эта сисянка, никого там нету. Так пугали детей, чтоб

не бегали, не топтали (с. Мезинец, Старо-юрьевский р-н, РН, ЧА, 2006). [Пугали детей, чтоб они в огород не ходили?] Ну пугали, конечно, пугали <...> [Например, в конопле сидит?] Да, хтой-то сидить там в конопах, Баба Яга. Да, Баба Яга там. [Какая она?] Ну говорили, Баба Яга, а какая, я почём знаю? Я не знаю, мои хорошие: там Баба Яга сидить, не хулиганья, по горбдам не ходитя, по садам по чужим не лазайтя! (с. Рождественское, Рассказовский р-н, ЛД, РН, 2008); ...Русалка – это купаться тады, и раньше всё ею пугали, русалка. И зараньше у нас семья была, конопі назывались, семья сеяли. А семья это, конопі, брали и их тады мяли, толкли и вот ткали, в старину ткали. Это холсты делали и ткали. И у нас на речке, вот тут, была семья. И бывало вот ведь бегають, это вот щас во всех, а тады на горбди либо морквѣ какая у кого, либо чаво, огурец – забираються ребятишки-то, скажут: там сидит либо малѣша, либо, как ты сказала-то? Русалка. Малаша, ещё малаша в сѣми [семени] сидить, говорить – пугали. Говорять: там малаша, и русалка, и она, говорить, вас утацить! Вот и пугали нас, этих, маленьких, чтоб не ходили на... на горбд на чужой. Ведь тады ж народ, он ведь почти же голодный был, и вот ребятишки, бывало, за морквѣй забираться к кому-нибудь, а вот мать-то, бывало, чтоб ты не пошла на речку: там в конопя'х малаша и русалка сидить. Вот ты пойдѣшь, она тебе поймать и утацить! [Малаша и русалка – это одно и то же?] Нет, русалка это сама собой, а это малаша ещё какая-то была. Малаша, там, говорить, малаша сидить. [Как выглядит Малаша?] Да хто их видал-то? Да, можить, и не видал-то, хто их видал-то? Так просто пугають, пословица, можить, была, можить их сроду и не было. А можить хто нарядился, сидела какая, испугать чтобы. Но это малаша. А эта малаша, её прямо с детства: смотри на речку не ходи, пойдѣшь на речку, а там речка, – бывал, скажут, – либо ухѣдисси, либо чаво. Скажут: не ходи на речку, в конопя'х малаша сидить. Она тебе поймать и всё! И вот боялись и не ходили (с. Кёрша, Рассказовский р-н, ЛД, 2003); [Правда ли, что в конопле русалки живут?] Это не знаю. А семья [конопляное] сеяли, а нас пугали, ну старые, чтоб мы семья не это,

⁶ О коноплеводстве, прядении и ткачестве на территории Тамбовской области подробнее см.: [17].

семя, чтоб мы не ходили туда и не топтали: и там вот кто, синичка живёт, она вас потулит [прогонит?] отсюда! И мы не ходили. Синичка. Птичка такая-то, птичка такая-то. [А что значит «потулит»?] Она нас тогда отсюда потулит (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н, ЧА, 2003). Другие персонажи-устрашители не обладают выраженной локативной закреплённостью и в отношении топоса являются взаимозаменяемыми (см. об этом также, например, в Полесье [4, с. 448]).

Помимо сведений о местах обитания, в текстах запугиваний содержится указание на некоторые портретные характеристики устрашителей, среди которых выделяются лохматость (и всё, что связано с шерстью или обильным волосным покровом) и телесные патологии (например, хромота) – признаки, соотносимые с инаком, хтоническим и инфернальным: ...кукашка, кукашка, стращают вот. [Кукашка?] Да. [Что такое кукашка?] Да вся такая размохнатая (с. Рудовка, Пичаевский р-н, НР, 2008).

Последнее – важная деталь, способствующая мифологизации облика «чужого взрослого», который попадал в разряд устрашителей в том числе и из-за особенностей внешнего вида, и, кроме того, в обыденной жизни, вне контекста устрашения, мог стать причиной испуга у ребёнка – заболевания, характеризующегося сильным нервным потрясением. Примеры подобного см. также⁷: ...это тада пугали, не то что вот какими-то этими, волиёбниками, а даже у нас в селе был один мужик, он хромал, и мы яво боялись. Это, бывалча, идёшь если он, а мы чаво-нибудь балуимси с братом, с сястрой, мама скажить: вон Фёдор Яковлевич идёшь, щас он вас возмёт! Мы врассыпную да под кровать хоронились. Ну, это просто вот тоже, как сказать, ну как с детства оно выходит так, а некоторые боятся, а некоторые и не боятся. Мы, значить, он хромой – его надо бояться. Вот это вот так <...> Ну то что он, наверно, поймать что ли нас, куда-то отнесёт. Вот чаво (с. Покрово-Чичерино, Петровский р-н, ЛД, РН, 2007). Показателен также следующий рассказ, в

котором страх ребёнка персонифицируется и превращается в фигуру мужчины без ноги, слезающего с печи: ...Вот в детстве, знаете, мы, когда жили не здесь, а туда дальше, а потом, значь, переселились, это была отцовская поместья, и мы сюда переселились. Мне было четыре года, а этому, брат в маленькой зыбке. Ну и мама пошла за водой на речку, а я осталась одна, выходить дело. Она гварть: ты покачай Кольку, а то он кричать будить. Ну я взяла подцепку [цепь или верёвка, на которую крепили люльку] эту и тах-то села на табуретку там, табуреточка была маленькая. Я села и сидела качала. И вот я смотрю на печь, сейчас их и печей-то мало, а тогда-то у нас была печь. Смотрю на печь, вот мне кажется, значь, с этой печи слезаит мужчина, на одной ноге, одной ноги у него нету, а одна нога у него есть. И вот такой весь чёрный, страшный. Вот. Ну это потому что я боялась на новом месте, и вот мне... и я глядела, глядела, значь, он на одну ступеньку слез, на другую ступеньку слез, щас на третью ступеньку слезит, выходить дело, тогда на пол слезит <...> [Что это было?] Просто это я боялась, и мне вообразилась такая ерунда. Это, это просто моя боязнь, моя боязнь было. Чатыри года, чаво ж ты хочишь (с. Пеньки, Моршанский р-н, МТ, РН, 2007).

Появление такой детали облика персонажа, как обильный волосной покров, также может иметь поддержку во внешней среде, поскольку страх перед неосвоенным пространством взрослые культивировали и поддерживали не только с помощью вербальных формул, но действий. Детей пугали намеренно, нередко облачаясь в шубы или ветошь и отправляясь в запретное место: [Информатор-1]: ...вот она, [имя дочери], была маленькая, и они вот, и у соседа мальчик был, и вот они, ну этого был малый, ты играла с ним [обращается к дочери], вспомни, да. Ну они собрались за гурцами, а бабка, соседка, рядом: «Ольк, попуай их!» [Информатор-2]: Да, они нас пугали, шубу какую-то надевали. [Информатор-1]: Шубу, одень, говорить, шубу, да за ними! Они... И вот одела я, накрылась шубой, и за ними. Больше не стали... (с. Покрово-Чичерино, Петровский р-н, ЛД, РН, 2007); [Как пугали детей, чтобы они не ходили в огород?] Пугали, да. [Как пугали?]

⁷ Лоскутова Д.Н. Испуг в традиционных представлениях крестьян Тамбовской области (статья в печати).

Да как жэ, нарядится какой-нить мушнына иль жёнына в чё-нибудь и пугают. [Что говорили, чтоб дети не ходили?] Там их называли пужалки, да (с. Хитрово, Рассказовский р-н, ЛД, РН, 2008). Для этих же целей в конопляном поле, огороде устанавливали пугало (в ряде районов области (Бондарский р-н, Моршанский р-н, Староюрьевский р-н) также именуемое русалкой), которое не только отпугивало птиц, но и детей. Иногда взрослые намеренно «закрепляли» за именем сконструированный образ: [Не говорили, что в конопле кто-то живёт?] Ну, это тады говорили, на... да, вроде, говорили, бабка Яга: ой, там бабка Яга, не ходит! А то она вас перелавя [переловит], и там чё-то. Да, баба Яга. И вот нас пугали так бабой Ягой-то этой. А щас вот их ничем не испугаешь. Да, бабу Ягу-то, бывало, коноплю-то тоже посадют, так вот палки наденут, там и телогрейку, да на голову наделают, вот и стоит. Бывало, маленькие... Это щас вот ничё не боятся, а тада. [Как называли это сооружение?] Баба Яга, это самая баба Яга. Да, баба Яга. Метлу ей воткнул вот суда. Вот так, так палку высокую поставют [вертикально], а вот так ещё прибьют. [Как перекадина?] Да. Оденут, например, рубаху, у ней, вроде как, рукава мотаютсут, а тут ещё шляпа иль чё, а сюда метлу – вот баба Яга, баба Яга (с. Заворонежское, Староюрьевский р-н, НР, 2006). Неясность облика устрашителя, неизвестность, стоящая за именами детских страшилищ, позволяли использовать в этом качестве предметы, также характеризующиеся мохнатостью, наличием шерсти. Так, Л.Р. Хафизова при анализе буки как персонажа детского фольклора, в том числе и формул запугивания, приводит обширный материал о связи этого МП с шерстью, волосами, мохнатостью, а также с предметами, обладающими перечисленными характеристиками [10, с. 202]. Примеры наделения «шерстяного» предмета – вывернутого наружу овечьего козуха – свойствами устрашающего персонажа приводит также Ю.С. Буйских [5, с. 37]. Подобные атрибуты могли стать причиной испуга у ребёнка и за рамками ситуации педагогического устрашения, особенно если такой предмет соотносили с загадочным названием, вполне созвучным с именами представи-

телей этого класса МП. В следующем тексте информант рассказывает о том, как девочка испугалась отстриженную косу, лежащую на печи, которую сверстники называли *кукан*: ...Да, испуг, бываит испуг, это я про испуг расскажу. У мене Вале было, да годика три, прям маленькая, годика три, и к одним она бегала <...>. А там девочка была, ну она, конечно, ей годов десять было <...>. Щас она на печку их пасодит, и играют. Вот в одну время приходит <...>, легла на кровать и закрылась. Я враз её это, одела. Она, как она закричит: «Ой, ой, ой, вот она! Вот она! – Ага. – Вот она! – Мг. – Вот она, мама, вот она!» <...>. Разожгли огонь, лампы были, лампу зажгли, она прям как глянит, как закричит, на стенку обернётся и как закричит. Вот, это испуг. <...>. А я говорю: «Это что такой? Ты чаво? Кто тебе напугал-та?». – «Люба мне показала кукан!». Кукан – это какой-то страшный вещь такой, кукан. <...> [Спрашивает]: «Люб, ты чем напугала Вальку?». Она и говорит: «Я ничем. У нас коса ляжить». Ну отрезали, вот тада косы-то у жёнына были, вот такие во, по поясу и широкие. И вот тёть Катя это отрезала, косу-то, на кой, она, говорить, мне нужна? Ну они её так заделали и положили, печка, а тут эта труба, колпак называлси, на колпак положили. Она достала, она и говорит: «А это чаво?» <...>. Говорит: «Кукан!» (с. Никольское, Знаменский р-н, ЛД, 2005). Иллюстрацией того, какую роль в формировании образов устрашения играла их гносеологическая неопределённость, является следующий текст, в котором раскрывается сущность процесса номинации страшного предмета тем именем, которым пугали. Главным «героем» этого текста является всё тот же мохнатый предмет – шкура козлёнка, позволяющий проследить, как «волосатые» образы порождают целый номинативный ряд персонажей детских запугиваний: [Как пугали детей, чтобы они за огурцами не бегали в огород?] ...Вот у нас было, видишь вот, щас пусто, а это было много народа, и ребяташкав много было <...>. У нас изба была маленькая, и мне понадобилась мочала, полы помыть. А они, у нас было песок свалёнай, и они, эти ребяташки все, там помёне, побóле, все в этом, в этим песке-то и играют, вот шумят,

колготя'ться. А там на этом, на потолке-то ещё висела у нас козья шкура, резали козлёнка, и шкуру там повесили. Вот они и бегутся, и чёй-то заспорили. А я взяла кра... краешек этой шкуры под низ, это он шас железом, а он был крыт соломой, вот под низ-то высунула, и вот так ей, этой шкурой, двигаю. Они все как воробьи смотрят – чёй это такое? Вот, ну и значь, начинают придумывать. Один говорит: «Это Макар!»». Ну это его, его, значь, пугали каким-то Макаром. Он говорит, другой, и говорит: «Нету, это веде... ведёрчик, веде...» – Нет! Это татар!» – это третий говорит». – «Нету, это ведерчик!» [Ведерчик?] Он, ага, ведерчик у нас ходил по селу тут. Ну ве́дра вставлял худыя, а такой задурáчный мужик был, ага, и, бывал, шумить, орёт: «Чугуны, ве́дра починять!». Они, ребяташки, его боялись многия. И вот он говорит: «Это ведерчик!». Ну я там расхохоталась, ну у каждого своя страсть, кого кем пугали, тот то и говорит. Ну это ребяташки все разбégлись и перпужались (с. Пеньки, Моршанский р-н, МТ, НР, 2007).

Рядом исследователей высказывались предположения об ономотопейном характере номинаций персонажей-устрашителей. Так, Л.Р. Хафизова подробно анализирует этимологию слова *бука* с позиций звукоподражательной мотивации, при этом рассматривая как вариант принадлежности слова детской речи, так и атрибуцию сфере нечеловеческих – иномирных – звуков [10, с. 208]. О.А. Черепанова высказывает мысль о происхождении некоторых названий устрашителей из детской речи [6, с. 24], а Г.И. Кабакова связывает ономотопею в сфере номинации детских страшилищ в том числе и с гулением младенца [3, с. 357]. На звукоподражательный характер отдельных имён данной группы МП указывает Е.Е. Левкиевская [4, с. 471]. Широкий фонетический контекст «бесовской речи» позволил А.Ф. Журавлёву выявить звуко-символические особенности в сфере наименования нечистой силы, в том числе и персонажей запугивания, при этом критически подойти к звукоподражательному происхождению отдельных номинаций [13, с. 355-357]. Следует отметить, что дополнительным аргументом в пользу значимости звукового оформления имени устрашителя является

способность громкого и неожиданного звука стать причиной детского испуга⁸ (см. в отношении тамбовской традиции⁹).

Анализ лексем, обозначающих специфических МП устрашения в говорах Тамбовской области, показал, что эта группа номинаций также не лишена звукоизобразительных интенций (*аука*, *сисянка*, *кукашка*, а также *кукан*), см., например, активное использование заднеязычных согласных, в том числе в пределах одного слова (*куга*¹⁰). В то же время, если учитывать принадлежность слов *кукашка* и *кукан* к корню **kuka*¹¹, то здесь речь может идти о первоначальной семантике изгиба и искривления¹², характерной для лексики, обозначающей inferнальных существ, а также пагубные и болезненные состояния. Вероятно, эти слова, так же как и *бука*, для которого исследователями предлагается «незвуковая» этимология [10, с. 209], [6, с. 25], попадая в формулы устрашения, функционируют по заданному «сценарию» – тенденции, при которой происходит редукция большинства семантических признаков, а звуковое оформление выдвигается на первый план.

По той же причине звуко-символизм можно также частично усмотреть в словах *бирюк* и *букан* за счёт сочетания начального б (взрывного) с заднеязычным к. Не последнюю роль в формировании функции устрашения у *бабы Яги*, практически лишённой своего сказочного ореола в формулах запугивания¹³, играют идеофонические особенности имени, но это высказывание может звучать лишь как предположение.

⁸ О взаимосвязи формул устрашения с народно-медицинскими представлениями славян об испуге см. подробнее [3].

⁹ Лоскутова Д.Н. Испуг в традиционных представлениях крестьян Тамбовской области (статья в печати).

¹⁰ Авторами «Этимологического словаря славянских языков» предполагается ономотопэтическое происхождение *kuga* – название чумы и эпидемии от горестного восклицания [18, с. 85].

¹¹ См., например, слова *кука* в значении 'нечто страшное, обитающее в темноте, чем пугают детей', *кукан* в значении 'мифическое существо, обитающее в лужах, болотах', родственные * *kuka* [18, с. 87-88].

¹² Показательно, что *куканом* дети называли женскую косу – предмет, для которого прослеживается не только связь с волосами, но и изгибом при плетении.

¹³ См. также о *бабе Яге* как персонаже-устрашителе в полесской традиции [4, с. 447].

Остановимся подробнее на образе *сисянки*, зафиксированной локально в с. Мезинец Староюрьевского района, граничащего с Рязанской областью (обработано 11 текстов у разных информантов). Из описаний *сисянки* известны следующие признаки и функции: 1) женская ипостась; 2) локус сосредоточения – река и конопляное поле: *...Ну, только пугали, ничего так. Ну, то, как вы говорите, так и нам говорили: пойдите вон туда, до конопей дойдёте, там сисянка сидит, она вам там, даст вам тама! Ничё там не было, никакой ни сисянки, ничё* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006); 3) внешние признаки – страшная, лохматая: *...Сися'нки. Вот это, можа, правда иль неправда, а, говорить, вот к речке тада, можа быть, пугали маленьких: сисянка, говорить, они лохматаи, страшинаи, говорить. И, можа, и правда, может быть, и правда маленьких, гвритъ, уха... уводили. Да. Она ма́ня, ма́ня [манит] его да и, можа, чем-нибудь привлечёт яво. «Не ходи на речку, там сисянки!»* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, ЛД, РН, 2006); 4) вредоносные функции – заманивать; утаскивать; преследовать: [Пугали ли детей, чтобы они на огород не ходили?] *Ну, энто маленьких, энто и нас пугали, конечно. Тада этот, как его, сеяли <...> коноплю-то. Ну вот, посеютъ и говорить, что сисянка какая-то выскоча и будя за вами бегать <...>. У нас и сямья-то была восемь-десять человек ведъ. Конечно, какие ж там огурцы, если раза два пройдёшь по ним. И чаво жа там останется? <...>. [Как пугали сисянкой?] Ну, она, можа, и утаца. Но это я не верю, это сказка какая-нибудь. Ну, как вот рассказывали, что: она вас утащить. Да и всё. И мы боялись ды не ходили* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006).

Выскажем предположение, что перечисленные параметры могут указывать на близость образов *сисянки* и русалки или их идентичность. Показательно, что на территории соседней, Рязанской, области наблюдается номинативное разнообразие при обозначении русалки (например, щекоталки, вопилки, покликуши, макачки и т. д.) [19, с. 533]. Так, в нескольких текстах, зафиксированных в Староюрьевском районе, лексема *сисянка* упоминается наряду с другими обозначениями подобных «существъ» – *шутанка* и

водя'нка: *...Какие-то были тогда водя'нки, какие-то, подожди, подожди, сися'нки какие-то были* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, ЛД, РН, 2006); [Принято ли было в старину пугать детей тем, что их кто-то может утащить?] *Да, страши́али, страши́али. Там какая-то сися'нка, там какая-то сисянка да шутанка, да так же, так же говорили, да...* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006). Вероятно, лексема *сисянка* – это обозначение русалки, характерное для детской речи. Можно предположить, что в процессе словотворчества это наименование было специально создано именно для сферы детских запугиваний. В соответствии с закономерностями детской речи может употребляться, например, номинация *ау́ка*: *...Аука-то? Да чё как и маленьких страща́ишь – вон, аука идёт, аука, да какая-нибудь страшная такая-то вот* (с. Рудовка, Пичаевский р-н, РН, 2008). Характерно, что в случае, когда в качестве устрашителя для ребёнка выступает Бог, то употребляется форма *Боженъка*, близкая детскому восприятию: *...а тогда Богу веровали вот с такого возраста, лет пять, а тебе уже родители учуть: садись и помолись Богу, кушать садисси, а то Боженъка тебе ушко́ отрежить. Видишь, как говорили, учили: Боженъка ушко́ отрежить, надо Боженъке молиться. Учили с детства, чтоб перекститься и сестъ поестъ* (с. Серповое, Моршанский р-н, МТ, РН, 2007).

Можно также предложить версию, согласно которой лексема *сисянка* функционирует в русле номинативной стратегии именования по характерной детали внешнего вида. Сведения о наличии гипертрофированной груди у русалки зафиксированы в соседней, Рязанской, области: «“Русалкой” пугали. <...> “Ляжышь?” – “Нет”. – “Пачяму?” – “Ни хачю” – “Ни хочишь, щас я пазаву!” – “Ка-во?” – “Русалку!” А он у миня-т спрашивать: “Какая она, русалка?” Я: “Страшная! Очинь срашняя! Касматья, лахматья, нос большой, грудь здаравущия”...» [8, с. 95]. Слово *сисья* в значении ‘женская грудь’ зафиксировано в «Словаре русских народных говоров», в том числе, с пометой тамб. [20, с. 351], и ассоциируется с грудными детьми. Кроме того, в народной среде номинация персонажа подвергается ремотивации: сущность образа пы-

таются истолковать сами носители традиции, предлагая мотивировку, связанную с грудью сисянки: [Принято ли было пугать детей, чтобы они не ходили в огород?] [Информатор-1]: *А, это сисянка. Из конопёй тада: не ходи, там сисянка! А какая сисянка, не знаю, что это за сисянка. Сиськи что ль у ней висели, или чё, сисянка, наверное.* [Информатор-2]: *Ты так говоришь, скажи «грудь», а то они ведь записывают.* [Информатор-1]: *Ну что же, это всё правильно: сисянка – её и звали сисянка* (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, РН, 2006).

Таким образом, состав и структура формул запугивания, зафиксированных на территории Тамбовской области, вписывается в общерусский контекст; мифологические персонажи, выступая в качестве устрашителей,

лишаются большинства семантических признаков; редукция первоначальной семантики таких наименований, возможно, компенсируется звукоизобразительными интенциями, наблюдаемыми в сфере лексики этой группы персонажей; неопределённость облика персонажей для запугивания детей обуславливает включение в этот ряд предметов; распространённость народно-педагогического приёма устрашения связана с ролью, которую играют страх и испуг в культуре детства; для носителей традиционной культуры устрашение можно признать значимым элементом народной педагогики, поскольку оно функционировало не только на вербальном, но и на акциональном уровнях (намеренное пугание детей в нежелательных для посещения местах).

Список литературы

1. *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.
2. *Виноградова Л.Н.* Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М., 2001. 92 с.
3. *Кабакова Г.И.* Придёт серенький волчок: о формулах устрашения детей // Семиотика страха: сб. ст. М.: Русский институт; Европа, 2005. С. 356-372.
4. *Левкиевская Е.Е.* Персонажи-устрашители // Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. С. 446-513.
5. *Буйских Ю.С.* Персонажи детских запугиваний в современных представлениях украинцев Полесья // Живая старина. 2014. № 1 (81). С. 36-38.
6. *Черепанова О.А.* Кем «полохали» детей на Руси // Живая старина. 1994. № 1. С. 23-25.
7. *Любова Е.Ю.* Мифологические персонажи-устрашители в нижегородских говорах // Карповские чтения: сб. ст. Вып. 8 / отв. ред. Ю.А. Курдин. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 214-218.
8. *Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь* / авт.-сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Н.Н. Гилярова, Л.Н. Чижикова. Рязань, 2001. 488 с.
9. *Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 44-83.
10. *Хафизова Л.Р.* Бука как персонаж детского фольклора // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2000. С. 198-211.
11. *Черепанова О.А.* Челнок деда Мазая в пучине культурной памяти // Севернорусские говоры. Вып. 10: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 59-64.
12. *Бойцова О.Ю.* От традиции к «научному материнству» и обратно: случай Бабая, злого дяди и милиционера // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Н.А. Мицюк. Смоленск: Изд-во СмолГУ; Москва: ИЭА РАН, 2016. Т. 1. С. 97-100.
13. *Журавлёв А.Ф.* Фонетика бесовской речи // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 344-362.
14. *Раденкович Л.* Личные имена мифологических существ // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 59-72.
15. *Махрачёва Т.В.* Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. 230 с.
16. *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. 434 с.
17. *Буцких С.А.* Коноплеводство, прядение и ткачество: прошлое и настоящее (исторический, этнографический и лингвистический аспекты) // Экология языка и речи: материалы 8 Междунар. науч. конф.

- / науч. ред. А.Л. Шарандин; отв. за вып. Т.В. Махрачёва. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 155-165.
18. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 13 / отв. ред. О.Н. Трубачёв. М.: Наука, 1987. 285 с.
19. Русские Рязанского края / отв. ред. С.А. Иникова. Т. 2. М.: Индрик, 2009. 748 с.
20. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина. Вып. 37. СПб.: Наука, 2003. 415 с.

References

1. Vinogradova L.N. *Mifologicheskii aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [Mythological Aspect of Slavic Folklore Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016, 384 p. (In Russian).
2. Vinogradova L.N. *Slavyanskaya narodnaya demonologiya: problemy sravnitel'nogo izucheniya: dis. v vide nauch. doklada ... d-ra filol. nauk* [Slavic Folk Demonology: The Problem of a Comparative Study. Dr. philol. sci. diss. as a scientific report]. Moscow, 2001, 92 p. (In Russian).
3. Kabakova G.I. Pridet seren'kiy volchok: o formulakh ustrasheniya detey [A grey wolf will come at night: on the formulas for intimidating children]. *Semiotika strakha* [Semiotics of Fear]. Moscow, Russkii Institut Publ.; Evropa Publ., 2005, pp. 356-372. (In Russian).
4. Levkiyevskaya E.E. Personazhi-ustrashiteli [Characters-intimidators]. *Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsiya tekstov v zapisyakh 80–90-kh gg. XX veka. T. 3: Mifologizatsiya prirodnikh yavleniy i chelovecheskikh sostoyaniy* [Folk Demonology of Polesie: the Publication of Texts in the Records of the 80–90s. 20th century. Vol. 3. Mythologization of Natural Phenomena and Human Conditions]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, pp. 446-513. (In Russian).
5. Buyskikh Y.S. Personazhi detskikh zapugivaniy v sovremennykh predstavleniyakh ukrainsev Poles'ya [Characters of child intimidation in modern views of Ukrainians in Polesie]. *Zhivaya starina* [Living Olden Time], 2014, no. 1 (81), pp. 36-38. (In Russian).
6. Cherepanova O.A. Kem «polokhali» detey na Rusi [Who scared children in Russia]. *Zhivaya starina* [Living Olden Time], 1994, no 1, pp. 23-25. (In Russian).
7. Lyubova E.Y. Mifologicheskiye personazhi-ustrashiteli v nizhegorodskikh govorakh [Mythological characters-intimidators in the Nizhny Novgorod dialects]. *Karpovskiy chteniya. Vyp. 8* [Karpovskiy Reading. Issue 8]. Arzamas, Arzamas branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2018, pp. 214-218. (In Russian).
8. Morozov I.A., Sleptsova I.S., Gilyarova N.N., Chizhikova L.N. (author-compiler). *Ryazanskaya traditsionnaya kul'tura pervoy poloviny XX veka. Shatskiy etnodialektnyy slovar'* [Ryazan Traditional Culture of the First Half of the 20th century. Shatsk Ethnodialect Dictionary]. Ryazan, 2001, 488 p. (In Russian).
9. Sannikova O.V. Pol'skaya mifologicheskaya leksika v strukture fol'klornogo teksta [Polish mythological vocabulary in the structure of folklore text]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan Folklore. Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 44-83. (In Russian).
10. Khafizova L.R. Buka kak personazh detskogo fol'klora [Buka as a character of children's folklore]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balcanic Folklore. Folk Demonology]. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 198-211. (In Russian).
11. Cherepanova O.A. Chelnok deda Mazaya v puchine kul'turnoy pamyati [Grandpa Mazai's shuttle in the abyss of cultural memory]. *Severnorusskiye govory. Vyp. 10* [Northern Russian Dialects. Issue 10]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2009, pp. 59-64. (In Russian).
12. Boytsova O.Y. Ot traditsii k «nauchnomu materinstvu» i obratno: sluchay Babaya, zlogo dyadi i militsionera [From tradition to “scientific motherhood” and back: the case of Boogy Man, the evil uncle and the policeman]. *Materialy Devyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZHI i IEA RAN «Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur»: v 2 t.* [Proceedings of the 9th International Research Conference Russian Association Researchers Women's History and RAS Institute of Ethnology and Anthropology “Motherhood and Fatherhood through the Prism of Time and Culture”: in 2 vols.]. Smolensk, Smolensk State University Publ.; Moscow, RAS Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 2016, vol. 1, pp. 97-100. (In Russian).
13. Zhuravlev A.F. Fonetika besovskoy rechi [Phonetics of demonic speech]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th Anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 344-362. (In Russian).
14. Radenkovich L. Lichnyye imena mifologicheskikh sushchestv [Personal names of mythological creatures]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To

- the 90th Anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 59-72. (In Russian).
15. Makhracheva T.V. *Narodnyy kalendar' Tambovskoy oblasti (etnolingvisticheskiy aspekt)* [Folk Calendar of the Tambov Region (Ethnolinguistic Aspect)]. Tambov, Pershina R.V. Publ., 2008, 230 p. (In Russian).
 16. Cherepanova O.A. *Mifologicheskaya leksika russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Mythological Vocabulary of the Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1983, 434 p. (In Russian).
 17. Butskikh S.A. *Konoplevodstvo, pryadeniye i tkachestvo: proshloye i nastoyashcheye (istoricheskiy, etnograficheskiy i lingvisticheskiy aspekt)* [Hemp farming, spinning and weaving: past and present (historical, ethnographic and linguistic aspects)]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of 8th International Research Conference "Ecology of Language and Speech"]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2019, pp. 155-165. (In Russian).
 18. Trubachev O.N. (executive ed.). *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 13* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Issue 13]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 285 p. (In Russian).
 19. Inikova S.A. (executive ed.). *Russkiye Ryazanskogo kray. T. 2* [Russians of the Ryazan Region. Vol. 2]. Moscow, Indrik Publ., 2009, 748 p. (In Russian).
 20. Andreyeva-Vasina N.I. (compiler). *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp 37* [Dictionary of Russian folk Dialects. Issue 37]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 415 p. (In Russian).

Информация об авторах

Махрачёва Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mahrachova@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, написание части текста и редактирование статьи, научное консультирование, окончательное одобрение рукописи.

Лоскутова Дина Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий отделением. Многопрофильный колледж им. И.Т. Карасёва, п. Строитель, Тамбовский район, Тамбовская область, Российская Федерация. E-mail: losdina@yandex.ru

Вклад в статью: идея, написание части текста, обработка эмпирического материала, оформление статьи.

Блинова Екатерина Юрьевна, научный сотрудник научно-образовательного центра «Русист». Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ekaterina_blinov@bk.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы, обзор литературы, сбор данных, анализ авторской картотеки, написание части текста.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 20.08.2020 г.
Поступила после рецензирования 16.10.2020 г.
Принята к публикации 23.10.2020 г.

Information about the authors

Tatyana V. Makhracheva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: mahrachova@mail.ru

Contribution: study conception, part of manuscript text drafting and editing, scientific advice, final manuscript approval.

ORCID: 0000-0003-2291-6960

Dina N. Loskutova, Candidate of Philology, Department Head. Multidisciplinary College named after I.T. Karasev, Stroitel settlement, Tambov district, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: losdina@yandex.ru

Contribution: brainchild, part of manuscript text drafting, empiric material processing, manuscript design.

ORCID: 0000-0001-9643-9226

Ekaterina Y. Blinova, Research Scientist, Research and Educational Center "Rusist". Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ekaterina_blinov@bk.ru

Contribution: source material acquisition, literature search and analysis, literature review, data collection, author's card catalog analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-2586-9872

There is no conflict of interests.

Received 20 August 2020
Reviewed 16 October 2020
Accepted for press 23 October 2020